

материалам погребальных памятников — схематичной и фрагментарной. Более убедительны выводы автора в отношении генезиса склепов в горах и сосуществования их различных типов.

Культовым памятникам горной Ингушетии посвящена IV глава. По сравнению с предыдущими работами М. Б. Мужухоева новым тут представляется сводка святилищ Ингушетии и обстоятельная характеристика их. В отношении генезиса святилищ автор придерживается взглядов Л. П. Семенова и И. П. Щеблыкина с незначительными коррективами. Христианский храм Тхаба-Ерды он предлагает датировать первой четвертью XII в., храмы Алби-Ерды и Таргимский — XII—XIII вв. Это не согласуется с выводами многих других специальных исследований последних 10 лет (В. П. Кобычева, Г. Г. Гамбашидзе, В. А. Кузнецова и др.), что уже отмечалось в печати²¹.

Интересен параграф «К вопросу о верованиях ингушей», в котором автор тщательно собрал факты, подтверждающие, по его мнению, политеизм горцев позднего средневековья. Автор трактует разнообразные изображения крестов в горной Ингушетии как «языческие символы». Но и здесь не использована большая литература, посвященная культурно-историческим связям Грузии с народами Северного Кавказа²². Это приводит к излишней категоричности в отрицании роли христианского «уклада» в горских верованиях.

В «Заключении» подводятся итоги работы и значительно яснее, чем в основном тексте, формулируются некоторые выводы, связанные с социальной оценкой памятников материальной культуры Ингушетии, в которых автор подчеркивает неразвитость процесса феодализации местного общества. В конце автор выражает «глубокое удовлетворение», «если затронутые им вопросы найдут отклик среди специалистов и всех, кто интересуется историей Кавказа». Наша рецензия как раз и продиктована глубокой профессиональной заинтересованностью в объективном решении назревших вопросов истории и культуры средневекового населения Чечено-Ингушетии.

В. Б. Виноградов, Р. А. Даутова

²¹ См.: С. Л. Дударев, Х. М. Мамаев. III «Крупновские чтения» в Грозном. — «Изв. Северо-Кавказского научного центра Высшей школы», Ростов-на-Дону, 1974, № 2, с. 90; В. Б. Виноградов. Некоторые аспекты современного изучения средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии. — «Археология и вопросы атеизма». Грозный, 1977, с. 59—67; Н. Н. Бараниченко. К хронологии некоторых типов святилищ Чечено-Ингушетии. — Там же, с. 67—74.

²² Некоторые итоги изучения этой проблемы за 40 лет см. Г. Г. Гамбашидзе. К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Северного Кавказа. Тбилиси, 1977 (там же и библиография).

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Leea Virtanen. Children's lore. — «Studia Fennica 22», Helsinki, 1978, 100 p.

Издание на английском языке книги известной финской фольклористки Лееа Виртанен «Детский фольклор» сделало ее интересную работу доступной гораздо более широкому кругу читателей, чем посвященные тем же проблемам работы Л. Виртанен, опубликованные в 1970 и 1972 гг. по-фински.

Работа Л. Виртанен основана на обширном эмпирическом материале; в 1969 г. было обследовано 30 тыс. школьников Финляндии. В этом массовом обследовании в качестве основного был использован метод нестандартизованных описаний, которые делались детьми и подростками в возрасте от 10 до 18 лет. Так, под заголовком «Как начинается игра во дворе» школьники описывали ситуации зачина игры, популярные среди детей считалки, жеребьевки. Особенности построения детских условных игровых языков раскрывались информаторами в ответ на вопрос «Как я научился тайному языку». В качестве дополнения к массовому опросу Л. Виртанен были изучены и детально описаны игры и устная традиция отдельных дворовых детских групп, а также проанализированы архивные фольклорные материалы.

Вслед за авторами классической работы по современному детскому фольклору англичанами Айной и Питером Опи¹ Л. Виртанен рассматривает детское сообщество как самостоятельную «миникультуру», жившую в рамках цивилизованного «взрослого» мира по своеобразным, часто непонятным взрослому человеку законам. Особенности детской традиции закрепляются и передаются от поколения к поколению в детском фольклоре: считалках, жеребьевках, правилах игр, дразнилках и песенках, в детских анекдотах, загадках, «страшных» рассказах и т. д.

¹ I. & P. Opi. The lore and language of schoolchildren. Paladin, Great Britain, 1977.

По мнению Л. Виртанен, одна из существенных чисто психологических трудностей, возникающих перед исследователем детского фольклора, заключается в том, что взрослый человек для детей — чужак. Поэтому детской «субкультуре», процветающей во дворах многоквартирных домов, свойствен сильный элемент тайны, очень привлекательный для детей. Это находит наиболее яркое выражение в тайных игровых языках, изобретении шифров, играх в разведчиков.

Многочисленные жанры детского фольклора несут на себе отчетливую печать детского мировосприятия и мировоззрения, детской логики. Детям присущ также дух оппозиции притягательному, но жестко рациональному и нередко подавляющему миру взрослых. Все это может обусловить позицию пренебрежительного превосходства взрослого при первом знакомстве с детской традицией.

Отличительная черта всей книги Л. Виртанен — пафос реабилитации детского фольклора в глазах взрослых, утверждение его важнейшей положительной роли в качестве социально-психологического регулятора жизни детского коллектива. Недаром научно-популярный характер этой книги (кстати, прекрасно иллюстрированной фотографиями) делает ее доступной педагогам, родителям и всем, кто интересуется жизнью детей. Однако в некоторых случаях утверждаемая Л. Виртанен оппозиция мира взрослых миру детей, возможно имеющая основания особенно в условиях капиталистического общества, кажется слишком резкой.

В I главе «Живая традиция» анализируется влияние социальных и этнических процессов, происходящих в современной Финляндии, на судьбы детского фольклора. Л. Виртанен убедительно показывает, как разложение патриархальной крестьянской семьи, объединявшей несколько поколений, и переход к типичной для городских условий нуклеарной семье резко нарушает характерную для прежних времен передачу фольклорной традиции от взрослых к детям. При этом наблюдается исчезновение из репертуара детей отдельных видов обрядового фольклора, а также появление новых функций фольклора в детских коллективах.

Современная городская семья, в которой дети значительную часть времени предоставлены самим себе и мало контактируют со взрослыми, способствует углублению разрыва между «культурой взрослых» и «культурой детей». «Детская культура», несмотря на влияние средств массовой коммуникации, все больше самоопределяется в соответствии с теми социально-психологическими потребностями, которые ребенок стремится удовлетворить в общении со сверстниками, а ее достижения закрепляются в детском фольклоре.

Чрезвычайно интересен проделанный Л. Виртанен анализ внешних условий, способствующих развитию, сохранению и передаче традиции от поколения к поколению детей (количественный, возрастной и половой состав детских дворовых групп, типы дворов и игровых площадок). Например, исследование, проведенное в различных городах и поселках Финляндии, показало, что наиболее удобным местом для сложных детских коллективных игр «с правилами» являются задние дворы больших многоквартирных домов. Там легко набирается необходимое количество участников игры (что становится проблемой для детей, живущих на фермах и хуторах), а кроме того, в старых дворах можно найти множество укромных уголков и таинственно-привлекательных мест для сбора детских ватаг (сарай, чердаки, подвалы — ср. пыльный чердак со штурвальным колесом у Тимура и его команды).

Традиции не возникают на пустом месте, а передаются в ходе совместных игр от старших детей младшим. Поэтому при переезде в новые районы — фактор немаловажный в связи с обширным новым строительством — преемственность нарушается и трудно восстанавливается.

Во II главе «Деятельность дворовой компании» рассматриваются основные типы дворовых игр (игры с поимкой, прятки, игры «в войну», творческие игры), игровые зачины и выбор определенных игр в зависимости от полового и возрастного состава детской группы.

Очень интересны наблюдения Л. Виртанен о наличии устойчивых «мальчишечьей» и «девчоночьей» традиций в рамках современного детского фольклора.

Собранные Л. Виртанен материалы отражают интернациональную детскую традицию: автор делает много сопоставлений с английскими, американскими, немецкими, шведскими фольклорными источниками. К сожалению, русский детский фольклор полностью выпал из поля зрения автора. Видимо, это определяется как языковыми трудностями, так и в большой степени тем, что многие советские публикации на эту тему, в частности работы таких крупных исследователей детского фольклора, как Г. С. Виноградов и О. И. Капица, давно стали библиографической редкостью.

Детские фольклорные тексты представлены главным образом в III—IV главах книги и рассматриваются в основном с точки зрения их коммуникативных функций: регуляция хода игры, заполнение пауз при затруднительных ситуациях, проявление эмоций, вызов на общение и т. д. Конкретному анализу самих текстов, исследованию их художественных особенностей автор уделяет мало внимания. Отчасти это объясняется тем, что финские тексты даются в английском подстрочнике и многое теряют при таком переводе, отчасти — общей социально-психологической направленностью книги.

В III главе «Стихотворные развлечения» приводятся игровые стихи и песенки, юмористические и ситуационные стихи, пародии на песни и гимны взрослых, а также письменные стихи-пожелания и поздравления из альбомов девочек.

Глава IV «Традиции развлечения» посвящена детским задачам, загадкам, шуткам и всевозможным способам одурачивания наивного слушателя, которые автор психологически обосновывает как проявление потребности самоутверждения среди сверстников.

В главе V «Как дразнят» исследуется роль дразнилок, прозвищ, обзываний, символических жестов в испытании «социальной прочности» члена группы, его способности постоять за себя. Подчеркнутое Л. Виртанен значение дразнилок для регуляции поведения детей в коллективе (дразнилки о жадных, ябедах и т. п.) показывает, что мнение М. Н. Мельникова о предполагаемом в будущем исчезновении этого жанра из репертуара детей едва ли справедливо².

В VI главе «Устная проза» приводятся чрезвычайно любопытные тексты популярных среди финских детей «страшных» рассказов, подробно описываются ситуации их исполнения и выделяются наиболее часто встречающиеся сюжеты. Сопоставление опубликованных Л. Виртанен «страшных» рассказов маленьких финнов с широко распространенным среди русских детей жанром «страшилок», который совсем недавно стал изучаться советскими фольклористами (например, О. Н. Гречиной и М. В. Осориной), дает много интересных параллелей и прямых аналогий.

Пристального внимания заслуживают практически неисследованные на русском материале детская магия и верования. В главе VII Л. Виртанен рассматривает наиболее распространенные в современной финской детской среде приметы, гадания (по пуговицам на одежде, по номерам автомашин и т. д.) и другие магические действия. Оказывается, дети готовы к тому, чтобы принять самые «престарелые» из предрассудков родителей. Интересно, что многие виды гаданий сейчас существуют только в детской среде, а например, сельские дети гораздо лучше и полнее взрослых знают все традиционные приметы.

В заключительной, обобщающей VIII главе книги дается обоснование социально-психологических функций фольклора в коллективной жизни детей 7—12 лет, показана его уникальная роль в формировании личности ребенка как будущего члена общества (ассимиляция норм поведения, достижение независимости, расширение социальной перспективы, формирование образа «Я»: культурная и развлекательная функции).

Оригинальный, несколько непривычный для советского читателя, социально-психологический подход к изучению детского фольклора, представленный в книге Л. Виртанен, побуждает к поиску новых путей исследования коллективного детского творчества и дает пищу для размышлений о научной и педагогической оценке значения детского фольклора в эмоциональном и социальном развитии детей.

М. В. Осорина

² М. Н. Мельников. Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970, с. 115.